

Вырезка из газеты

ПРАВДА

от 22 ДЕКАБРЯ

Москва

Газета №

Говорит Маяковский...

«Я требую, громче чем скрипачи, права на граммофонную пластинку», — писал Маяковский. Универсальный мастер слова, поэт-трибун, несравненный чтец, он боролся «за расширение словесной базы», стремясь донести свое слово, свой голос до миллионов читателей-слушателей. Но ни граммофонные пластинки, ни тонфильмы не сохранили для будущего могучий голос поэта. Немыслимо движется на киноэкране Маяковский... А как хотелось бы миллионам читателей Маяковского услышать прославленный и неповторимый голос лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи!

Голос Маяковского был записан только на фонограф.

Любопытна история этих записей.

...В Петрограде после Октябрьской революции был создан институт живого слова. Работавший в нем проф. С. И. Бернштейн с помощью фонографа записал голоса ряда поэтов, читавших свои стихи.

В 1920 году приехал в Петроград В. В. Маяковский. Он охотно согласился прочитать свои стихи в фонограф. Он прочитал: «Необычайное приключение», «Послушайте!», «Гимн судье», «Отношение к барышне», «А вы могли бы?», «Наши марш» и «Военно-морскую любовь».

Спустя шесть лет проф. Бернштейн вновь обратился к Маяковскому с просьбой прочитать в фонограф свои новые стихи.

Вечером 9 января 1926 года Маяковский с подъемом прочитал «Блэк энд уайт», затем «Атлантический океан».

Маяковский «разошелся». У него появилось желание прочитать в тот вечер еще несколько своих стихотворений. В этот момент прекратилась подача тока. Пришлось прервать запись.

* * *

Звуковые бороздки на восковых валиках хранят его голос. Эти четыре валика — единственное звуковое наследие агитатора, горлана, главаря.

Делались попытки увековечить голос поэта, усилить его звучание, переписать с хрупких валиков на более прочный материал. Десять лет назад голос Маяковского пытались перевести на граммофонные пластинки. Эксперимент оказался неудачным.

Но вот во всеоружии современной техники за воссоздание голоса Маяковского, Брюсова, Блока и других взялась фаб-

рика звукозаписи Всесоюзного радиокомитета (директор В. Г. Лукачер).

Чтобы валики Маяковского зазвучали во весь голос, чтобы отсеять шумы, коллектив производственно-исследовательской лаборатории фабрики (нач. лаборатории М. В. Егоров) проделал серьезнейшую работу.

Сооружены и впервые применены для переписки голоса Маяковского и других поэтов три новых прибора, никогда не применявшиеся у нас при оптической записи и переписи. Их сконструировали инж. С. И. Веннаминов и молодой техник Л. В. Соболев.

В ночь на 22 декабря голос Маяковского переписывали с валиков фонографа на тонфильм и восковые диски. К полночи в студии собрались инженеры, работники студии, ближайшие друзья и родные поэта. Приближалась минута, о которой мы не раз мечтали в течение десяти лет, отделяющих нас от смерти Маяковского. Инженеры заняли свои места. Очень тихо было в эту минуту в небольшой студии. За стенами по-ночному стихала Москва. Сдерживая волнение, инженер сказал: «Мы дадим сейчас валик Маяковского «Необычайное происшествие»... В динамиках пробежал короткий шорох, и зазвучал голос:

В сто сорок солнц закат пылал,
В июль катилось лето,
Была жара,
Жара плыла —
На даче было это...

Такой знакомый, бархатистый, благородных оттенков голос слышали мы снова... Иногда пропадали отдельные слова, изредка голос казался невнятным. Но это был живой голос Маяковского с его великолепными переходами от пафоса к иронии, с его убедительной простотой и покоряющей искренностью.

— Это чудо... — громко сказал Николай Николаевич Асеев.

А инженеры снова и снова запускали валики, в полужаметных бороздках которых оживала громовая сила голоса Маяковского. И когда мы уходили из студии далеко за полночь, уже внизу лестницы мы слышали доносившийся из студии чудесный голос поэта, непостижимо оживший, вернувшийся к нам. Он гремел и раскатывался по коридорам, как гремел когда-то в коридорах Политехнического в дни памятных выступлений самого Маяковского.

Л. КАССИЛЬ, М. ПОЛЯНОВСКИЙ.